

RU

Рецепция образа П. Я. Чаадаева в романе Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина»

Вьюшкова И. Г., Сильченко Г. В.

Аннотация. Цель исследования - выявление особенностей художественного воплощения образа П. Я. Чаадаева в романе русского писателя XIX века Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина». Научная новизна заключается в комплексном исследовании романа Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина» в аспекте художественного воплощения образа П. Я. Чаадаева. В результате исследования обозначены ключевые моменты, детали, свидетельствующие о том, что прототипом образа безумного Ильи Ильина в романе может являться П. Я. Чаадаев, философские идеи которого были отчасти близки автору и помогают прояснить авторское мировоззрение, согласно которому восстание на Сенатской площади затормозило путь развития России, а герой, подобный безумному Ильину, хоть и близок к истине, но не готов к исполнению роли Мессии.

EN

P. Ya. Chaadaev's Image Reception in the Novel "Sergei Chalygin's Confessions" by Ya. P. Polonsky

Vyushkova I. G., Silchenko G. V.

Abstract. The aim of the study is to identify the features of the artistic embodiment of P. Ya. Chaadaev's image in the novel "Sergei Chalygin's Confessions" by the Russian writer of the XIX century Ya. P. Polonsky. The scientific novelty lies in a comprehensive study of the novel "Sergei Chalygin's Confessions" by Ya. P. Polonsky in the aspect of the artistic embodiment of P. Ya. Chaadaev's image. As a result of the study, the key points and details are identified that indicate that in the novel under consideration, P. Ya. Chaadaev can be a prototype of insane Ilya Ilyin's image. P. Ya. Chaadaev's philosophical ideas were partly close to the author and they help to clarify his worldview, according to which the uprising on Senate Square slowed down the path of Russia development; and a hero like insane Ilyin was not ready to play the Messiah's role although he was close to the truth.

Введение

Актуальность темы исследования определяется той неоднозначной ролью, которую сыграл П. Я. Чаадаев в развитии отечественной философской мысли и последующем литературном процессе. П. Я. Чаадаев – фигура неординарная в русской культуре. Об этом свидетельствует обширная литература, в которой под тем или иным углом зрения рассматриваются отдельные аспекты мирозерцания П. Я. Чаадаева (Гершензон, 1908; Лазарев, 1986; Тарасов, 1986).

О. Э. Мандельштам (1999), размышляя о роли наследия П. Я. Чаадаева для России, для русской культуры, писал: «След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, – такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли проведен он по стеклу?..» (с. 194).

Огромную и кропотливую работу по систематизации оценок личности П. Я. Чаадаева, его деятельности проделала М. И. Чемерисская (1994, с. 61-62). Характерной особенностью ее научного стиля является столкновение полярных точек зрения. К примеру, она приводит антиномичные позиции В. В. Лазарева и М. О. Гершензона, в которых первый утверждает, что «Чаадаев – выдающийся деятель освободительного движения, сыгравший важнейшую роль в развитии революционных идей в России», а второй, напротив, говорит, что «Чаадаев – бывший декабрист, ставший мистиком и консерватором, которого революционеры ошибочно принимали за "своего"». Не менее интересны точки зрения, согласно которым одни утверждают, что Чаадаев – крайний, воинствующий западник, проповедник западных духовных ценностей, стремившийся преобразовать Россию на западноевропейский лад, другие говорят, что он «славянофил, его антиславянские и проевропейские высказывания суть лишь полемический прием». Сама М. И. Чемерисская в качестве причин

подобной разногласии указывает на сложность и неоднозначность чаадаевского мировоззрения, на сложность судьбы мыслителя и трудный путь его сочинений к читателям и исследователям. Работы представленных выше исследователей наряду с трудами о творчестве Я. П. Полонского (Тхоржевский, 1986; Щеглова, 1999) составили теоретическую базу данной статьи.

При проведении исследования нами были использованы сравнительно-исторический и социокультурный методы.

Цель настоящего исследования предполагает решение ряда задач: определение влияния личности П. Я. Чаадаева на литературное творчество Я. П. Полонского, в частности на образы героев в романе «Признание Сергея Чалыгина»; уточнение философских воззрений Я. П. Полонского.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в практике преподавания дисциплин историко-литературного и гуманитарного цикла в вузе и школе.

Основная часть

Личность и воззрения П. Я. Чаадаева не единожды находили свое воплощение в художественных образах, созданных современниками философа и литераторами последующих эпох. Например, одним из прототипов Чацкого в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова, по свидетельству литературоведов, является П. Я. Чаадаев (Пиксанов, 1971, с. 113), дружба с философом нашла отклик и в творчестве А. С. Пушкина: «К Чаадаеву» (1818 г.), «К портрету Чаадаева», черты Чаадаева угадываемы и в Евгении Онегине, герое романа в стихах «Евгений Онегин».

На наш взгляд, удачно вписывается в этот разножанровый ряд и роман Я. П. Полонского (1986) «**Признание Сергея Чалыгина**» (1867 г.), в котором писатель для выражения своих взглядов дважды обращается к фигуре Чаадаева. В первый раз имя философа прямо упоминается в эпизоде, когда юный Чалыгин спрашивает, отчего Равинин не любит Пушкина, на что мать объясняет ему: «Оттого, душа моя, Равинин не любит Пушкина, что самолюбив, как черт... Пушкин как-то под веселый час в обществе сострил над ним. Вот он и не может этого забыть. Впрочем, они приятели, и я помню, бывало, Равинин беспрестанно мне попадался на Невском ни с кем другим, как с Пушкиным. Пушкин раз сказал Ч-ву: “Эх, брат, ужасно как трудно мне с моими стихами угодить этому Равинину: вечно к пустякам прицепится; но за это-то и я люблю его: смерть хочется написать что-нибудь такое, чтобы даже и Равинину могло понравиться”» (с. 92).

И. Б. Мушина в комментариях к роману пишет о том, что прототипом Равинина является Александр Раевский. Она добавляет, что история отношения Равинина к Пушкину соответствует реальной сложности отношений, которые существовали между Пушкиным и Александром Раевским. Эпизод разговора Сережи с матерью, по мнению И. Б. Мушиной, это художественно преображенный Я. П. Полонским отголосок беседы Пушкина с Чаадаевым об Александре Раевском. Эту беседу Я. П. Полонский мог услышать в доме М. Ф. Орлова, где часто бывал (Полонский, 1986, с. 444).

Во второй раз фигура Чаадаева уже иносказательно появляется в истории Ильина. Объединяющим фактом здесь, на наш взгляд, является мотив безумия. На это же указывает и И. Б. Мушина (Полонский, 1986, с. 450). Как известно, после опубликования «Философического письма» в журнале «Телескоп» (в 1836 г.) журнал был закрыт, правительство, во главе которого стоял Николай I, объявило Чаадаева сумасшедшим и посадило под домашний арест.

Л. В. Щеглова (1999) заявляет, что Чаадаев первым поставил перед русским умом задачу попытаться «угадать замысел Бога о России». Чаадаев, по мысли Щегловой, видит свое предназначение в создании на земле высшего порядка, подобного божественному, он ощущает себя спасителем, воплощает собой мессианский тип человека. Свою жизненную задачу Чаадаев видел в освещении мира.

Итак, именно сумасшедший, *не-нормальный*, бросает вызов общепринятому порядку, противостоит сложившемуся укладу и условностям жизни, нарушая нормы, принятые во всех сферах общества. В исследуемом романе к категории таких людей относится лорд Илья Ильин. Если помнить, что художественный текст – это текст повышенной семантической нагрузки, являющийся при этом (по мысли В. Г. Гака (1977)) важнейший его аспект – номинативную сторону, – то в этой связи особые смыслообразующие функции в художественном тексте приобретают именование персонажей. Имя Илья обращает на себя внимание уже тем, что повторяется в фамилии, усиливая, удваивая тем самым семантическую нагрузку, которую в себе содержит. При первом упоминании имени возникает ассоциация с образом пророка Ильи, который своею молитвою посылал на землю бездожие и дождь (Волошина, Астапов, 1996). Знакомство с Ильиным происходит в 22 главе в критический момент – наводнения, которое бушевало в Петербурге в 1824 г., причем создается впечатление, что причиной наводнения является Илья Ильин. Симптоматично, что предупреждением наводнения, разразившегося в ноябре 1824 г. стали буря и смерть Константиновны. В этот момент для героя – мальчика Сережи – открывается одновременно таинство смерти и буйство, и разгул сил природы. Нагнетание событий происходит через описание бушующей стихии, которое передано через призму взгляда Сережи: «Все было покрыто свинцовыми волнами – реки не реки, озера не озера, – не знаю, как и назвать эту поверхность бушующей стихии, эти волны с несущимися по ним обломками, со всех сторон охватившие городские здания. Чугунные решетки набережной изредка еще мелькали между углублений, образуемых на воде порывами крутившегося вихря, наконец, и они мелькать перестали.

<...>

Я видел, как эта буря заворачивала железные листы на кровлях, и живо помню, как слетел с одной трубы ветроуказатель, изображающий дракона с разинутой пастью: помню, как он покатился, сделал несколько

зигзагов и приостановился в водосточной трубе, прежде чем слетел на улицу. Одним словом, недаром была бледна мать, недаром я дрожал: зрелище было захватывающее дух, потрясающее зрелище!» (Полонский, 1986, с. 133-134). В данном эпизоде описание наводнения дается от лица Сережи, что в общей картине помогает передать ощущение страха ребенка, выраженное через его дрожь, с одной стороны, бледность матери, с другой стороны, а также через ощущение чего-то величественного, перед чем бессилён человек, что в оценке Сережи передается как «зрелище, захватывающее дух, потрясающее зрелище!». Подобное описание наводнения 1824 г. находим и в знаменитой поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833 г.), в которой автор, восхваляя красоты Петербурга, прославляя заслуги Петра I, сумевшего «в Европу прорубить окно», тем не менее показывает, что человечество бессильно перед природой, необузданной стихией, в связи с этим итог петербургской повести печален: безумие Евгения, гибель Параши и ее матери. В романе Я. П. Полонского катастрофа также нарушила привычное течение жизни, внесла изменения во взаимоотношения людей. В такой критический момент и появляется, на первый взгляд, эпизодический персонаж, но, если вдуматься, значимый, поскольку выражает авторские мысли, – Ильин. Отметим, что фигура Ильина выделяется в ряду незнакомцев, оказавшихся в доме Чалыгиных, своим поведением. В галерее образов собравшихся каждый выражает свою точку зрения, рождая тем самым, говоря словами М. М. Бахтина (2002), полифонизм, позволяющий выяснить, что волнует людей в переломные моменты жизни. Так, «седенький приказный» позиционирует себя как философ, суть философии которого в том, что все вернется на свои места через 10 минут, даже его превосходительство непременно придет в департамент: «Вот поглядите, через 10 минут все это опять сольет, и все придет в надлежащий порядок; только подвалы да погребки пострадают; вот поглядите!» (Полонский, 1986, с. 135). Седенький приказный в первую очередь пытается утешить самого себя, а не остальных собравшихся.

Мысли другого незнакомца – купчика – сосредоточены на деньгах. Он беспокоится о банкротстве: «Мать, пресвятая богородица! Что ж это будет! Ведь это банкротством пахнет... это... помилуйте-с!.. Если это так продолжится-с... это ведь все снесет-с, все, как есть. Товар на бирже – на открытом месте... Ничего не поделаешь... Что ж это будет-с!..» (Полонский, 1986, с. 135.) Постоянное добавление к словам свистящего –с рождает ощущение духовного невежества, желания угождать, пресмыкаться перед вышестоящими по рангу людьми. Даже его обращение к Богородице так и остается обращением. Оно не перерастает в молитву о спасении по причине того, что все мысли купчика сосредоточены на деньгах.

Поведение третьего обращает на себя взор не только Сережи, но и его матери. И здесь Я. П. Полонский (1986) (в отличие от первых двух героев, которым даны только речевые характеристики) представляет достаточно полную портретную зарисовку третьего незнакомца: «Это был еще молодой человек лет двадцати семи, среднего роста, сухой, смуглый, с греческими чертами лица, истомленными, но резкими, низенький лоб его был пересечен складками, идущими вверх от черных сдвинутых бровей» (с. 135).

Перед нами вполне обычный юноша, в описании которого значимой становится такая деталь, как морщины, что явно свидетельствует о том, что он много думает, размышляет. Кроме того, автор заостряет внимание на поведении молодого человека: он по пояс в воде, но недвижно стоит, созерцая картину бури и наводнения. Интересна поза героя: «...неподвижно стоял он у среднего окна, сложа руки крестообразно, а la Napoleon...». Любопытно то, что он сохраняет неподвижность в течение длительного времени, погруженный в свои думы и созерцание. Поза с крестообразно сложенными руками а la Napoleon возвышает его среди числа собравшихся, он напоминает Мессию, пророка, явившегося высказать свои апокалиптические пророчества. Образ воссоздан писателем в духе романтической традиции, при сохранении шаблона которой очень важен дополнительный штрих, акцентирующий внимание на герое, – синий плащ, живописно закинутый на одно плечо. Согласно «Энциклопедии символов» (Бидерман, 1996, с. 243), синий плащ как один из аксессуаров говорит и о таинственности незнакомца, и о его духовности, проявляющейся в его задумчивости, рождает ассоциацию с Антихристом, так как именно в речах незнакомца содержатся угрожающие пророчества, указывает на предположение о том, что юноша состоит членом в масонской ложе Иоанна с тремя степенями (ученик, подмастерье, мастер). Как известно, Чаадаев также некоторое время состоял в тайном обществе, о чем знал Николай I (Чемерисская, 1994).

Поведение незнакомца неадекватно и рождает двойственное восприятие: с одной стороны, матери Сергея кажется, что он рисуется, с другой – в его зловещих речах звучит истинная причина гибели людей: «Проклятый город! Если он провалится сквозь землю... Пусть!.. Но он не провалится сквозь землю, он потонет. Разве вы не замечаете, что земля опустилась, и море заняло свое прежнее место... Я это давно предчувствовал... Впрочем, это до меня не касается...» (Полонский, 1986, с. 136-137).

«– Люди, madame, гибнут каждый день и каждый день разоряются. Не потоп, а люди друг друга губят и разоряют...»

<...>

– Не мешайте мне глядеть, как тонет Петербург, – не мешайте... И вы тонете, madame, и хорошо сделаете, если потонете...» (Полонский, 1986, с. 138).

Словно повинувшись зловещим словам незнакомца, наводнение нарастает: «...наводнение росло и росло, волны стали еще грознее, и мы слышали, как они ударяют в стены нашего дома...» (Полонский, 1986, с. 138). Апокалиптические мотивы усиливаются: в воображении мальчика рождается мысль о всемирном потопе, волны которого смоят не только Петербург, но поглотят всю землю, при этом символично то, что спасает весь город молитва одиннадцатилетнего ребенка Сережи Чалыгина, и вода, действительно, начинает убывать.

Как мы заметили выше, поведение незнакомца не похоже на поведение обычных людей. В романе представлен ряд взглядов на незнакомца (полифонизм мнений):

1) мальчик Сережа не воспринимает его как сумасшедшего, а детский взгляд самый верный, дети интуитивно разбираются в людях, однако его пугают вид, голос, странные манеры молодого человека;

2) мать Сережи не до конца понимает незнакомца: кто он? Сумасшедший или сумасброд? Чем обусловлено помешательство? Любовью к Юлиньке, или наводнение так потрясло? Не ясно, временное или настоящее это помешательство;

3) Семен считает, что незнакомца принес черт, сравнивает его с оборотнем, висельником.

Странности поведения молодого человека проявляются в ряде ситуаций:

1) после того, как он узнал об исчезновении Юлиньки, он два часа просидел, задумавшись, ни на кого не обращая внимания;

2) при виде усопшей Константиновны: когда он пришел, открыл покойницу и в течение получаса смотрел на нее. Однако не перекрестил и не помянул новопреставленную;

3) в ситуации, когда мадам Чалыгина вошла под руку с незнакомцем в синем плаще, все присутствующие по-разному на это отреагировали: старушки встали, раскрыли рты и перекрестились, приказный немножко попятился, Сережа струсил за свою мать.

Но на удивление всем незнакомец был похож на наследного принца, светского фата, но не на помешанного: он сиял и, казалось, гордился честью вести под руку мать Сережи. Как оказалось, незнакомец прекрасно говорит по-французски, что свидетельствует о его образованности. Постоянное позиционирование героя в противовес толпе (о чем мы упоминали выше) продолжает сохраняться и в дальнейшем: с одной стороны, он подозрителен по отношению к присутствующим, с другой – расположение мадам Чалыгиной успокаивает его, и он за обедом рассказывает о себе, кое-что проясняя в биографии. Так, из рассказа мы узнаем о его жизни за границей (три года в Европе был и Чаадаев), встречах с Байроном, восхождении на Везувий, обучении в Геттингенском университете.

Однако рассказы героя о студенческих проказах, свидетельствующие о его богатстве, расходятся с внешним видом: на нем смятое жабо, жилет с оторванной пуговицей, протертый локоть на сюртуке, – все детали указывают, напротив, на бедность. Хотя незнакомец не обращает на это внимания и ведет себя как фронт первой руки, рассказывая о дуэли с каким-то французским виконтом.

Изменения в характере и в душевном состоянии героя, происходящие после того, как он выпивает вино, автор передает через такие детали, как бледность кожных покровов, сдвинутые брови, молчание и поставленная на стол рюмка. Вино в данном контексте имеет также символическое значение: если для всех обедающих ром – вино, то для незнакомца ром ассоциируется с Римом – центром католичества. Именно мысли о католичестве заставили незнакомца задуматься: «Незнакомец продолжал молчать с опущенными черными ресницами; черты лица его были бледны, неподвижны и холодны» (Полонский, 1986, с. 144). Вновь Я. П. Полонский отсылает нас к личности П. Я. Чаадаева, которого, по мнению В. Кантора (1988, с. 87), в католичестве привлекало преодоление национальной ограниченности, явно обозначившееся стремление к всечеловеческому единству. Чаадаев видел беду православия в том, что оно соборно лишь на словах, а по сути ведет изоляционистскую политику, ввергая страну в застой, гниение, разорение.

Увлечение молодого человека Юлинькой (французенкой, католичкой) продолжает развивать тему важности для молодого человека католицизма. Вторую рюмку рома он неслучайно пьет за ее здоровье, призывая всех присутствующих к тому же, на данный призыв собравшиеся вынуждены были откликнуться, иначе попали бы в разряд злейших врагов незнакомца и принуждены были бы стреляться с ним через платок на дуэли. Усугубляет ситуацию таинственное исчезновение Юлиньки, которое ввергает молодого человека в плач, а потом погружает в сон. Мотив сна как пограничного состояния выполняет символическую функцию, а также выводит нас на размышления П. Я. Чаадаева (1989) о жизни и смерти. В одном из отрывков философ однажды отметил, что «сон есть настоящая смерть, а то, что смертью называют, кто знает? – Может быть, оно-то и есть жизнь?» (с. 168). Размышляя о том, что есть жизнь и смерть, Чаадаев приходит к выводу: «Смерть в самой жизни, вот все, что называют смертью» (с. 162-163). Парадоксальным является факт, когда спящего незнакомца, который лежал, как убитый, свалившись на пол, кладут спать на тюфяк, положив под голову подушку, на которой умерла Константиновна – «существо копотливое, но, по-видимому, уже отрешившееся от мира сего» (Полонский, 1986, с. 16). Будучи некогда няней отца Сережи, последние дни она провела в заботах о лампаде в комнате матери, в молениях перед образами. Следовательно, няня – выразитель православия, а незнакомец – католицизма, выражением пересечения их идей становится подушка.

Имя незнакомца впервые появляется в 24 главе в письме молодого человека к матери Сережи. Эпистолярный жанр также сигнализирует нам о том, что в образе Ильина выведен П. Я. Чаадаев, являющийся создателем «Философических писем». В них излагается система взглядов Чаадаева. Итак, Илья Ильин (о семантике имени мы уже говорили) подписывается, указывая титул «лорд». Как известно, лорд – это наследный титул английского высшего дворянства. В исследуемом контексте он указывает на принадлежность к масонской ложе, так как масонство зародилось в Англии (Чаадаев, как констатируют историки, также входил в одно из тайных обществ). Переключки во взглядах Ильина и Чаадаева можно обнаружить в рассуждениях о свободе. Ильин оправдывает свое безумие любовью, пишет о свободе, которая сметает все на своем пути: «...только безумная любовь, одна только любовь и может оправдать меня. Где любовь, там свобода, – где свобода, там – бушуйте волны... Ревите бури, падайте города и vive la liberti!..» (Полонский, 1986, с. 151).

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам: Я. П. Полонский в романе «Признания Сергея Чалыгина» обратился к осмыслению пути развития России, в этой связи он изобразил историю семьи Чалыгиных. По мысли Я. П. Полонского, во главе просвещенного государства должен быть человек, подобный проку, Мессии. Поиски такого героя приводят писателя к образу безумного Ильина, воплотившего черты П. Я. Чаадаева, дружбой и мнением которого дорожил Я. П. Полонский. В образе Ильина, созданном по романтическому шаблону, находят отражение противоречивые черты – Антихриста и Христа, безумца и вполне здравомыслящего человека. Неслучайно он появляется в главах, повествующих о знаменательных событиях – наводнении 1824 г., восстании на Сенатской площади. Стремясь к европейскому пути развития, Россия, как думал писатель, находится на правильном пути, однако помехой на этом пути стало восстание декабристов, так или иначе способствовавшее гибели семьи Чалыгиных (смерть матери и отъезд Сережи с опекуном Нарышкиным). Кроме того, герой, подобный Ильину, также не способен повести за собой, его устремления призрачны. Финал романа открыт: путь Сережи, как и путь России, устремлены в неизвестность.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нами в детальном анализе характера отношений между Ильиным и Юлинькой, в которых за любовной интригой на уровне символа находит воплощение философское осмысление Я. П. Полонским судьбы России.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6.
2. Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
3. Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
4. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: общие вопросы: коллективная монография / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.
5. Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев: жизнь и мышление. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908.
6. Кантор В. «Имя роковое» (духовное наследие П. Я. Чаадаева и русская культура) // Вопросы литературы. 1988. № 3.
7. Лазарев В. В. Чаадаев. М.: Юридическая литература, 1986.
8. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 1.
9. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971.
10. Полонский Я. П. Сочинения: в 2-х т. / сост. И. Б. Мушина; худож. Е. Ганнушкин. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.
11. Тарасов Б. Н. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1986.
12. Тхоржевский С. С. Портреты пером: повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском. М.: Книга, 1986.
13. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Современник, 1989.
14. Чемерисская М. И. Петр Яковлевич Чаадаев // Вопросы истории. 1994. № 10.
15. Щеглова Л. В. Самоопределение национального духа в концепции П. Я. Чаадаева. Волгоград: Перемена, 1999.

Информация об авторах | Author information

Вьюшкова Ирина Геннадьевна¹, к. филол. н.

Сильченко Григорий Викторович², к. филол. н.

^{1, 2} Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал)

Тюменского государственного университета

Vyushkova Irina Gennadievna¹, PhD

Silchenko Grigory Viktorovich², PhD

^{1, 2} Ishim Pedagogical Institute named after P. P. Ershov of Tyumen State University

¹ wjuschkowa@rambler.ru, ² grishanja1982@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.04.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): Я. П. Полонский; рецепция; образ; П. Я. Чаадаев; мировоззрение; Ya. P. Polonsky; reception; image; P. Ya. Chaadaev; worldview.